

ДОМ

С

ЗОЛО

ТОЙ

ДВЕРЬЮ

ЭЛОДИ ХАРПЕР

перевод Юлии Пугаченковой
и Дарьи Смирновой

роман

МИО

МИФ Проза

Элоди Харпер

Дом с золотой дверью

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 82-311.6(=37)
ББК 84(4Вел)6-442.3

Харпер Э.

Дом с золотой дверью / Э. Харпер — «Манн, Иванов и Фербер»,
2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195814-7

Амара больше не рабыня. Теперь у нее есть красивый дом, дорогая одежда и слуги. Но стала ли она свободной? Ведь она может все потерять, если лишится благосклонности своего покровителя. Тени прошлого не покидают Амару и в новой жизни: ночью во снах она видит «Волчье логово» и подруг, которых оставила, а днем ее преследует бывший хозяин. Чтобы обрести настоящую свободу, ей придется стать такой же безжалостной, как он. Для кого эта книга Для тех, кто ждет продолжения истории Амары и ее подруг из «Волчьего логова». Для поклонников романов «Песнь Ахилла» и «Цирцея» Мадлен Миллер, «Безмолвия девушек» Пэт Баркер, «Тысячи кораблей» Натали Хейнс. Для любителей греческих ретеллингов. Для любителей историй о женской дружбе, поддержке и человечности. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.6(=37)
ББК 84(4Вел)6-442.3

ISBN 978-5-00-195814-7

© Харпер Э., 2020
© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

75 год нашей эры. Перенталии	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Элоди Харпер

Дом с золотой дверью

Original title:
The House With the Golden Door
by Elodie Harper

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

The House With the Golden Door
Copyright © 2022 by Elodie Harper
All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

*Моему дорогому сыну Джонатану.
Я люблю тебя всем сердцем*

75 год нашей эры. Перенталии

Глава 1

Из всех живых существ лишь человеку дарована печаль... равно как и тщеславие, алчность и неуемная жажда жизни.

Плиний Старший. Естественная история

Художник твердо стоит на деревянном помосте, закрывая собой богиню, что оживает под его кистью. За ним наблюдает Амара. Фреска почти готова: стену вокруг садика Амары теперь украшает сцена охоты. Осталось лишь прорисовать лицо Дианы. Амара с наслаждением вдыхает весенние ароматы. У ее ног, словно белые звезды, теснятся нарциссы, наполняющие воздух сладковатым запахом.

– Никому не дано полностью отразить ее красоту, – замечает художник, на мгновение отступивший от работы, чтобы осмотреть ее и снова взяться за кисть.

Амара понимает, что речь не о Диане. Если бы ей было нужно изображение богини, она могла бы нанять любого другого художника. Но Приск когда-то был любовником Дидоны, ее лучшей подруги, и никто, кроме него, не сумел бы написать ее точный портрет.

– Я уверена, что тебе это удастся, – отвечает Амара. Разумеется, она на это надеется. Над фоном вокруг центральной фигуры трудился подмастерье Приска, который попросил за свою работу совсем небольшую плату. Чтобы нанять Приска, главного художника артели, и увековечить память о подруге, придется отдать в десять раз больше.

– Таких прелестных женщин больше нет, – произносит Приск. – В ней была легкость, которой не сыщешь в других. До сих пор помню, как она пела.

Дидона умерла всего три месяца назад, и у Амары на глазах проступают слезы. Она моргает, чтобы Приск ничего не заметил. Амаре странно видеть его у себя дома. В их последнюю с Приском встречу они с Дидоной были рабынями. Приск был обычным посетителем публичного дома, платившим сутенеру за то, чтобы провести ночь с Дидоной, пока его друг Сальвий вместе с Амарой уединялись в соседней спальне. Теперь Амара – вольноотпущенница, и уже она платит за *его* услуги. Амара полагает, что они оба не знают, как относиться друг к другу после такого поворота судьбы.

Приск вновь отступает от стены и окидывает работу взглядом.

– Кажется, готово.

Амара делает шаг вперед.

– Я взгляну?

– Конечно.

Приск слезает с помоста, и перед Амарой наконец открывается портрет.

Дидона стоит, прижав одну руку к сердцу, а второй указывая вглубь сада. Амара вглядывается в лицо ушедшей подруги. Приск сумел передать безупречность ее черт, нежность губ и, главное, выражение глаз: в их темноте виднеется тоска, которую Дидона не умела скрывать. На Амару обрушивается скорбь, и она отворачивается. Приск протягивает руку, но тут же опускает ее – вероятно, из страха обидеть Амару своим прикосновением. Амара не сразу находит в себе силы заговорить.

– Я никогда не смогу достойно отблагодарить тебя.

– Эта работа была мне в удовольствие, – отвечает Приск. – Приятно знать, что ее красота не утрачена навечно.

Приск стоит не слишком близко к Амаре, выражая тем самым свое уважение.

– Но могу я кое-что спросить? Почему ты решила запечатлеть ее в таком виде?

Приск обводит жестом стену, окружающую сад, и Амара видит, как разительно на фоне всей сцены выделяется женская фигура. Охотничьи собаки – их морды лоснятся от крови, а в широко открытых пастьях виднеются острые зубы – разрывают на части оленя с человеческим лицом. Из растерзанного оленьего тела торчат белые ребра, под которыми алеет сердце. Это Актеон, которого Диана превратила в оленя только для того, чтобы его загрызли собственные псы. Так он поплатился за то, что увидел богиню обнаженной. Диана указывает на умирающего Актеона, и в тоскливом взгляде Дидоны угадываются проблески жестокого равнодушия.

– У нее была чистейшая душа, – произносит Амара. – Как еще можно было изобразить Дидону, если не в виде девственной богини?

Оба понимают, что Амара ушла от ответа. Приск согласно склоняет голову: он слишком учтив, чтобы допытываться.

– Конечно.

Амара смотрит, как Приск аккуратно складывает краски в ящик, пока его подмастерье разбирает помост, чтобы отнести в мастерскую. Затем она провожает обоих мужчин через атриум¹ до дверей. Сейчас Амаре не нужно платить художнику. С ним обязательно рассчитается ее патрон и любовник Руфус, когда у него найдется время. В дверях Приск ненадолго задерживается.

– Надеюсь, ты не против, если... – Он умолкает, чтобы собраться с мыслями. – Сальвий просил передать тебе пожелание доброго здоровья. Он неустанно благодарит богов за твой счастливый жребий и выражает тебе глубокое почтение.

На лице Амары не проскальзывает и тени смятения, которое охватывает ее при мысли о прошлой жизни. Она знает, что привратник Ювентус ловит каждое слово, хоть и стоит на своем посту безмолвно.

– Твой друг очень любезен. Будь добр, передай ему мою благодарность и пожелание крепкого здоровья.

Вежливо, но сухо кивнув, Амара уходит, пока Приск не сказал что-нибудь еще. Разговор о Сальвии всколыхнул в ней тягостные воспоминания. Его прикосновения, его нагота, его тяжесть, а затем и, того хуже, образ Сальвия вытеснили страх, жестокость и боль, которые преследовали Амару в темной каморке лупанария² «Волчье логово». Прошрое, словно пучина Харибды, тянет Амару под воду, где невозможно дышать.

Амара быстро, едва не бегом, поднимается в свой кабинет и закрывает дверь. У нее дрожат ноги. Она садится за стол и, положив ладони на деревянную поверхность, пытается подавить нарастающую тревогу. Разум играет с Амарой злую шутку: ей начинает казаться, что глаза обманывают ее и что она не сидит у себя в кабинете, а вновь очутилась в лупанарии Феликса. В ушах у Амары стучит кровь, пока она ищет в ящичке коробочку, которая всегда приносит ей успокоение. Наконец коробочка найдена. Амара кладет ее на стол и поднимает крышку. Внутри – все деньги, которые Амара накопила с тех пор, как поселилась в этом доме: что-то взяла взаймы, что-то отложила из щедрого содержания, назначенного Руфусом. Амара перебирает монеты, ощущая их ободряющий вес, прислушиваясь к их позвякиванию, которое напоминает приглушенный шум дождя.

Расставив мебель по непривычным углам, комнату Амара обустроила так, чтобы она как можно меньше походила на кабинет Феликса. Стены покрашены в белый – никакого красного, – и на них тут и там выписаны купидончики: у одного в руках арфа, у другого – лук. Каждый мазок на бледноватых фигурках выглядит аккуратнее, чем любой предмет обста-

¹ Первоначально центральная часть древнеримского жилища, представлявшая собой внутренний световой двор, откуда имелись выходы во все остальные помещения. *Здесь и далее примечания редактора.*

² Слово лупанг (лупанарий) для римлян имело два значения: публичный дом и волчье логово.

новки в «Волчьем логове», но почему-то изображения купидонов кажутся не такими яркими, как бычья черепа и черные плитусы из воспоминаний Амары. Стоит закрыть глаза – и она их обязательно увидит. Отчего-то, сидя за столом, она всегда думает о бывшем хозяине. Даже во сне он является ей таким: угловатое тело, склоненное над книгами, опущенная голова, взгляд исподлобья, сильные руки.

В дверь стучат, и Амара возвращается в реальность.

– Кто там?

Входит Марта. Амара улыбается, но служанка неотрывно смотрит в пол.

– Не пора ли тебе собираться на встречу с Друзиллой, госпожа? – Марта говорит с таким акцентом, что иногда Амаре непросто ее понять.

У Марты сутулые плечи, и вся она какая-то съезженная. Поначалу Амара думала, что это признаки робкого характера, но теперь видит в осанке девушки сознательную отстраненность неуступчивой рабыни. Раньше Амара сама вела себя скрытно в присутствии Феликса. А теперь ей приходится сдерживать раздражение. *Девчонка не понимает, как ей повезло оказаться здесь, в прекрасном доме, а не в лупанарии.*

«Марта – еврейка, плененная римлянами во время последнего наступления на Масаду», – так Амаре рассказывал эконом Филос. Он от имени своего господина и выбрал двух рабов, которые отправились вместе с ним в дом Руфуса. Сам Руфус о Марте никогда не заговаривал. Рабы для него не люди. Он «одолжил» Амаре слуг заодно с мебелью, и ему бы в голову не пришло о них рассказывать – все равно что тратить время на изложение истории столов или светильников. Амара лишь надеется, что Руфус не спал с Мартой, хотя она вполне хороша собой. Это могло бы объяснить холодность девушки.

– Спасибо, – произносит Амара. – Ты очень кстати мне напомнила.

Они спускаются в один из покоев Амары, ближайший к атриуму. Марта уже разложила все необходимое на туалетном столике. Усаживаясь перед пузырьками с духами и косметикой, Амара невольно задумывается о своей подруге-волчице Виктории, вспоминает дешевые склянки, которые та, изо всех сил стремившаяся всегда выглядеть наилучшим образом, расставляла на подоконнике публичного дома. Образ Виктории – копна черных кудрей, разбросанных по плечам, хрипловатый смех и колкости, которыми она сыпала, растягивая слова, – в воображении Амары так ярок, что, кажется, девушка вот-вот войдет в комнату и попросит уступить ей место за туалетным столиком. Марта принимается расчесывать волосы госпожи. Амара берет со столика изящный стеклянный сосуд в форме цветка, откупоривает его и вдыхает аромат. Жасмин. Только этот аромат нравится Руфусу на Амаре. Марта раздраженно выдыхает, когда Амара тянется вперед, чтобы поставить сосуд на место. Все эти телодвижения не дают служанке уложить локоны Амары.

Наконец Марта протягивает госпоже серебряное зеркало. Краситься Амара предпочитает сама. Она подводит глаза сурьмой там, где краска смазалась, но белила на лицо не наносит. Когда Амара работала в «Волчьем логове», белила ей были не по карману, а теперь и Руфус привык видеть ее без них. Однажды Амара нарядилась ради него, но ему это очень не понравилось. Слова, которыми Руфус называет Амару, – *прелестная, нежная, невинная* – звучат для нее как указания, а не как комплименты. Неважно, что Амара работала в лупанарии, что она обхитрила самого жестокого сутенера Помпеев и что силой гнева она могла бы свернуть горы. Все это любовник не желает видеть в Амаре, все это ей приходится скрывать.

– Спасибо, – произносит Амара. – Теперь можешь заняться делами на кухне.

– Но разве я не должна пойти с тобой? – тревожится Марта. – Господин говорил, что тебе лучше не ходить на улицу одной.

Терпеть недовольную служанку – это одно; слезка Амаре ни к чему.

– Улицы меня не пугают, – отвечает она, холодно улыбаясь и зная, что Марта прекрасно ее поймет. – Я привыкла ходить одна.

Марта, зардевшись, склоняет голову. Не иначе как проклинает тот день, когда римляне увезли ее с родины туда, где она вынуждена прислуживать *иллюхе*. Простившись с Мартой, Амара через атриум подходит к огромной деревянной двери. Ювентус не сразу решается выпустить госпожу без сопровождения и оглядывается по сторонам в поисках Филоса, чтобы тот дал добро.

– Филос сегодня ушел с господином, – нетерпеливо произносит Амара. – Может, выпустишь меня? Мне нужно на урок по арфе, за который уже заплатил Руфус.

– Конечно, госпожа, – отвечает Ювентус, отступая в сторону.

Раньше Амара жила на куда более многолюдной улице – лупанарий стоял на распутье напротив одной таверны и в двух шагах от другой, – но даже теперь ей кажется, что, выходя из дома, она из стоячего пруда переносится в бурную реку. Амара пробирается через вздымающиеся на ветру полосы красной, желтой и оранжевой ткани, концы которых долетают до дверей ее жилища. Напротив дома, который Руфус снимает для Амары, – магазин тканей, один из многих на этой улице. Виргула, хозяйка магазина, кивает проходящей мимо Амаре: ее вовсе не смущает, что соседка – любовница богатого патрона. В конце концов, у них одна домовладелица на двоих – подруга Руфуса, к которой направляется Амара.

Амара свободно идет по узкой дороге: прохожие расступаются от ее острого взгляда, устремленного вдаль. Фыркнув, делает шаг в сторону мужчины, увешанный самыми разными кожаными вещами. Амара не обращает на него внимания. Дни, когда ей приходилось заглядывать в глаза каждому мужчине, позади.

Вскоре Амара оказывается у дома Друзиллы. Самая привлекательная куртизанка Помпеев живет совсем недалеко от Амары – на соседней улице. Так что Амара знает: Руфус не станет сердиться, что она пошла одна. Этот дом не сдастся; Друзилла – его прямая владелица, которой принадлежит еще и роскошная стеклодувная мастерская напротив. Амара ненадолго заглядывает в мастерскую. Чем дальше проходишь, тем затейливее посуда. Выставленные на прилавок невзрачные чашки и флаконы для духов сменяются кувшинами в форме рыб и усыпанной зеленым виноградом вазой с фигурками нимф вместо ручек. Взгляд Амары всегда устремляется в одну точку – на полку со статуэтками богов. Амара вспоминает стеклянную фигурку Афины Паллады из родительского дома: кто любит ее теперь?

Переступая порог атриума в доме Друзиллы, Амара чувствует, как ее сердце наполняет радость. Привратник склоняет голову при виде Амары: ее здесь всегда ждут.

– Вот и ты! – восклицает Друзилла, свесившись с балкона. От улыбки на ее лице появляются ямочки. Амара улыбается ей в ответ. Не считая Дидоны, Друзилла – самая красивая из всех женщин, которых знает Амара. Бледно-желтая туника подчеркивает теплый оттенок кожи, темные волосы, словно лавровый венок, обрамляют лицо. «Вылитая Гесперия, – думает Амара, – богиня заходящего солнца».

Амара взбегаєт вверх по лестнице. Ей всегда хорошо в компании Друзиллы, особенно когда они бывают наедине, без любовников, когда можно быть уверенной, что подруга говорит только правду. Они обнимаются, с восхищением разглядывая наряды друг друга, а затем направляются в покои Друзиллы, где стоит арфа.

– Когда он купит тебе собственный инструмент? – спрашивает Друзилла, усаживаясь рядом с Амарой, которая уже готова играть и слушать наставления подруги.

– Сегодня же, если я скажу, – со вздохом отвечает Амара. – Но мне еще нужно подучиться; а пока не хочу, чтобы он слышал мою игру.

– Но на своей арфе ты сможешь упражняться каждый день. Так ты научишься быстрее.

Амара знает, что это правда. Игра на арфе дается ей сложнее, чем она предполагала. Всякий раз, когда Амара играет Руфусу на лире – а это у нее получается мастерски, – он только и спрашивает, скоро ли она исполнит что-нибудь на арфе. Вопрос этот совершенно бесхитро-

стен; в нем слышится детское нетерпение, но настойчивость Руфуса смущает Амару. Как бы ей хотелось, чтобы ему по душе был инструмент, которым она уже владеет.

– Ума не приложу, почему он так привязался к этой арфе, – произносит Амара, проводя рукой по струнам.

Друзилла нежно поглаживает подругу по спине, перекинув ее волосы на плечо.

– Думаю, это хороший знак, – говорит она. – Руфус окончательно выбрал тебя. И теперь пытается превратить в идеальную для себя любовницу. Если он вложит в тебя достаточно денег, то даже и не подумает смотреть на других женщин.

К сердцу Амары подкрадывается тревожный холодок. Она живет, охваченная беспокойством, что однажды патрон потеряет к ней интерес.

– Давай сегодня снова возьмем мелодию Сапфо, – предлагает Амара. – В прошлый раз у меня почти получилось.

Подруги занимаются целый час или даже больше. Амара, покорная ученица, не спорит, когда Друзилла снова и снова просит ее взять одни и те же аккорды. А Друзилла, строгий учитель, не просто передает Амаре познания в музыке, но и советует, как лучше держаться, чтобы, играя, выглядеть самым выгодным образом.

– Думаю, на сегодня достаточно, – говорит Друзилла, проводя ладонью по руке Амары. – Ты начинаешь зажиматься. И я не шучу. Пусть Руфус купит тебе арфу. Ты научишься куда быстрее.

Амара вслед за Друзиллой переходит на ложе. Служанка Талия принесла им вина и хлеба.

– Столько хлопот... – бросает Амара, потянувшись за лепешкой и пообещав себе, что будет есть поменьше. – Можешь ли ты представить, чтобы Руфус и Квинт целыми днями только и думали, как бы нам угодить?

– Квинт на это точно не способен, – нахмурившись, отвечает Друзилла.

– Но он тебя обожает.

Друзилла мотает головой.

– Такому мужчине, как Квинт, рано или поздно непременно захочется новых впечатлений. И я боюсь, что случится это довольно скоро, – произносит Друзилла, поигрывая бокалом. Его наверняка выдули в мастерской напротив. Красное вино за синими стенками бокала кажется фиолетовым. – Ты знаешь, я его не люблю, но новый мужчина – это всегда не просто. К Квинту я уже привыкла.

Амара не уверена, до конца ли она верит Друзилле, когда та говорит, что не любит Квинта. Так стараться, чтобы ублажить мужчину, и не начать испытывать к нему нежные чувства почти невозможно.

– Я все время сдерживаюсь, чтобы не выдать сразу все, чему научилась в «Волчьем логове», – говорит Амара, приподняв бровь. – Так у Руфуса еще будет *немного* поводов для удивления.

– Ты о том самом приемчике! – улыбается Друзилла. – Кажется, даже Квинт удивился, когда я его применила.

Подруги заливаются смехом. Откинувшись на подушки, Амара наслаждается свободой говорить то, что хочется. Да, в лупанарии она прошла непростой путь – все, чему ее учил Феликс, давалось ей ценой нечеловеческих усилий, – но теперь, на воле, ей кажется, что все было не напрасно.

– Приск сегодня закончил фреску, – произносит Амара.

– Как думаешь, что скажет Руфус? Узнает ли он Дидону?

– Филос считает, что даже не заметит, – пожимает плечами Амара. – Для него она была всего лишь рабыней.

– Ты говоришь о Руфусе с Филосом? – голос Друзиллы становится резким. – Разумно ли это?

– Мы с Филосом дружили, когда оба были... – Амара осекается, не решаясь произнести то самое слово. – Когда оба были рабами.

– Но теперь *ты* свободна, а *он* по-прежнему нет. Филос принадлежит твоему любовнику. Будь осторожна в словах. Не ровен час, он решит, что должен пересказать их господину.

– Я ему доверяю, – отвечает Амара. – Не верю, что он на это способен.

Амара надеется, что так и есть. Ей слишком стыдно признать правоту Друзиллы. Признать, что ей одиноко и она не готова отдалиться от Филоса, признать, что тот – слуга Руфуса, а не ее друг. С кем еще в доме она может поговорить?

– Как там Примус? – спрашивает Амара, чтобы сменить тему.

– О! – Друзилла ударяет в ладоши, и лицо ее озаряется. – Ему так легко даются буквы! Он очень умный мальчик. Пойдем, пойдем, я тебе его покажу. Он будет рад блеснуть перед тобой знаниями.

Спрыгнув с ложа, Друзилла протягивает подруге руку. Амара принимает ее и спускается по лестнице за Друзиллой.

Пройдя через атриум, они сворачивают в сад. Среди цветов под присмотром няни гуляет Примус: размахивая пухлой ручкой, он что-то лепечет о пчеле. Он очень похож на мать. Те же ямочки от улыбки, те же большие темные глаза. Друзилла распаивает объятия – и мальчик, бросившись вперед, утыкается ей в колени. Амара улыбается. О Примусе она узнала месяц спустя после того, как Руфус ее освободил. Друзилла рассказывает о ребенке только самым близким друзьям.

– Чему ты сегодня научился? – спрашивает Друзилла Примуса. – О чем расскажешь маме?

– Пчелы живут во дворцах из воска! – возвещает мальчик, глядя на мать, а потом и на Амару, будто вызывая ее на спор. – Они делают мед из цветов!

Друзилла с обожанием смотрит на сына, пока тот, важничая, делится премудростями трехлетки. Амара была поражена, когда узнала, кто его отец. Попидус – один из самых знатных помпейцев, к тому же он настолько стар, что Примус, должно быть, намного младше законных внуков собственного отца. Старик сына Друзиллы не признаёт.

Сидя рядом с подругой и глядя, как ребенок резвится в саду, Амара почти готова поверить, что теперь ее жизнь – безмятежный покой. Но даже зная, что Руфус сейчас далеко, она ощущает на себе его прикосновения... и догадывается, что он легко может ее отпустить. Она здесь только благодаря его деньгам; он платит Друзилле за ее время, и Амара понимает, что никогда не смогла бы занять такое важное место в жизни подруги, не будь у нее такого любовника. В Венериных термах Амара всегда встречает Друзиллу в окружении других, не настолько влиятельных любовниц. Амара лишь одна из многих женщин в жизни Друзиллы.

Время наедине с Друзиллой бесценно, но Амара не хочет засиживаться. Ей нужно подготовиться к вечернему визиту Руфуса. Последние две недели он провел с родными, отмечая Паренталии – семейный праздник в честь умерших предков, – и у него почти не было времени на встречу с Амарой. Праздничные дни напомнили Амаре о том, что в жизни Руфуса ей отведено второстепенное положение и что сама она круглая сирота.

Амара встает, бормоча, что сегодня ждет Руфуса, и Друзилла провожает ее до дверей. С Примусом Друзилла расстается неохотно, хотя знает, что через пару минут вернется к ребенку.

– Как думаешь, Руфус обрадуется, если ты родишь ему сына? – спрашивает Друзилла, когда Амара уже готова выйти на улицу.

– Не знаю, – опешив, отвечает Амара. – Вряд ли.

Амаре сложно объяснить, почему она так считает, но она почти уверена, что Руфусу не захочется видеть ее в роли матери. Она по-прежнему делает все, чтобы не забеременеть.

– Здесь никогда не угадаешь, – кивает Друзилла, думая, вероятно, о бессердечном Попидусе. – Не забудь сегодня сказать ему про арфу. Удачи, милая.

Друзилла скрывается за дверью. Амара остается за порогом, чувствуя, как подкрадывается одиночество. Когда Амара была рабыней, она бывала у Друзиллы вместе с Дидоной. А потом они вдвоем, взявшись за руки, возвращались в «Волчье логово». Сердце Амары пронизывает такая тоска, что на мгновение ей кажется, будто она сейчас потеряет самообладание. «Теперь у меня есть свобода, – говорит себе Амара. – И нет ничего важнее». И вот она размашистыми шагами идет по мостовой, и на ее холодном лице нет ни следа переживаний от утраты.

Глава 2

Говорят: они рабы. Нет, люди.

Они рабы. Нет, они живут с нами под одной крышей.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию

Марта проверяет воду: едва теплая. Амара уже разделась и, лежа в ванной, внимательно разглядывает свои ноги, чтобы избавиться от каждого случайного волоска, ведь кожа должна быть безупречно гладкой. Домашняя ванна не сравнится с горячими Венериными термами, но Амаре больше ничего не остается, чтобы освежиться к приходу любовника.

Намывшись вдоволь, Амара сбрызгивает ладони жасминовой эссенцией и натирает ей все тело. По комнате разливается неимоверно сладкий аромат, но Амара знает, что он станет слабее к вечеру, когда явится Руфус, который так любит тонкий запах жасмина.

– Ты точно купила его любимый сыр? – спрашивает Амара, щедро смазывая эссенцией плечи.

– Да, – отвечает Марта, не поднимая глаз.

– А что с рагу? Бобы не передержала?

– Нет.

– В тот раз он был недоволен.

Марта молчит. Ей приходится делить кухонные обязанности с привратником Ювентусом, но ни один из них в готовке не силен. Обычно Амара посылает Марту или Ювентуса в харчевню на углу и просит разогреть купленные блюда дома. Амара протягивает руку за полупрозрачной шелковой туникой, которую всегда надевает, чтобы усладить Руфуса, когда тот приходит один. Марта подает тунику госпоже и помогает ей задрапировать ткань так, как нужно. Наряд вышел очень откровенным. Как бы Амаре хотелось, чтобы вместо Марты рядом оказалась Виктория или Бероника. Амара спросила бы у них, как она выглядит, и получила бы честный ответ.

Амара одета, и Марта поправляет ей прическу. Последний штрих сурьмы вокруг глаз, и Амара наконец проходит в столовую, где станет дожидаться патрона. Она никогда не ест в столовой без Руфуса: эта зала слишком уж просторна. Марта зажгла масляные лампы, прикрепленные к верхушкам длинных бронзовых колонн, и теперь в их свете видны фрески. По стенам распластаны несчастные смертные любовницы Юпитера – на некоторых почти нет одежды. Неподалеку от дверного проема Ио превращается в корову, а Леда обнимает лебедя над ложем, на котором возлежит Амара. Ей здесь всегда не по себе. Эти сюжеты пробуждают слишком яркие воспоминания о лупанарии, хоть роспись и выполнена с большим вкусом.

В доме тихо. Здесь нет никого, кроме Амары и двух рабов, что принадлежат ее любовнику. Ювентус, должно быть, сидит в каморке у дверей, а Марта разогревает на кухне бобовое рагу. В февральском воздухе становится все прохладнее, и, чтобы не озябнуть, Амара набросила на плечи шаль. От тревожного ожидания у девушки бешено бьется сердце. Она мечтает впиться зубами в кусок хлеба, чтобы наполнить желудок и приняться за вино. Руфус может прийти еще не скоро. Амара сверлит взглядом атриум, темнеющий в дверном проеме, и мысленно поторапливает любовника – так она голодна.

У Амары урчит живот. Решено. Уж лучше толстая любовница, чем омерзительная. Взяв с блюда кусок хлеба, она набивает им рот. Не считая сладкой лепешки в гостях у Друзиллы, она ест впервые за день. Во время их прошлой встречи Руфус пытался обхватить талию Амары ладонями, но его пальцы не сомкнулись на спине любовницы. Он всегда брал Амару за талию, восхищаясь ее стройностью, и Амара никогда не придавала этому значения, не думала, что Руфус *проверяет*, не растолстела ли она.

– По крайней мере, никто не сможет упрекнуть меня в том, что я морю тебя голодом, пташка, – усмехнулся Руфус, опустив руки.

Сперва Амара сгорала от стыда. Затем негодовала. Чего он ждал? Что Амара останется такой же тощей, как во времена борделя, когда могла позволить себе поесть лишь раз в день? Но Амара проглотила обиду. «Руфус не желает мне зла», – убеждала она себя. Ей повезло иметь такого преданного патрона. И быть может, в его словах не было укора. Быть может, он сказал это между прочим. Или даже по-доброму пошутил. Но все-таки ради предосторожности Амара решила есть поменьше.

До Амары долетает шум открывающейся двери и приглушенные мужские голоса. Она тут же отбрасывает хлеб, скидывает шаль и подтягивает ноги, чтобы принять как можно более соблазнительную позу. В темноте возникает чей-то силуэт. Разглядеть из освещенной столовой, кто идет по сумрачному атриуму, непросто, но Амара знает, что это не Руфус – слишком худой, слишком легко ступает. Амара выпрямляется, и у нее внутри все обрывается от разочарования, когда в комнату входит Филос.

– Господин просит передать свои извинения: он не сможет прийти сегодня.

Филос стоит в дверях на почтительном расстоянии от Амары. В отличие от Ювентуса, который никогда не откажет себе в удовольствии рассмотреть любовницу господина, когда та в прозрачной тунике, Филос смотрит Амаре прямо в глаза.

– Ему нужно поужинать с Гельвием.

– О-о, – откликается Амара, потянувшись за шалью, чтобы прикрыться. – И это *истинная* причина?

В прошлой жизни, когда Амара еще принадлежала Феликсу, Филос сам рассказывал ей, что у Руфуса есть вторая любовница. Тогда Филос уверял Амару, что интрижка с рабыней ничего не значит для его господина, и оказался прав.

– Клянусь, – отвечает Филос. – Он *очень* огорчился, что не сможет увидеться с тобой.

Амара облегченно выдыхает. Филос отступает назад, собираясь уйти.

– Не хочешь чего-нибудь съесть? – выпаливает Амара, не желая оставаться одной.

– Здесь? – изумленно спрашивает Филос.

Они пристально смотрят друг на друга; у Амары от смущения начинают гореть щеки. Филос вновь заговаривает приглушенным голосом:

– Ты знаешь, что я не могу. Какой раб станет есть еду своего господина в его же столовой? «С его же любовницей», – мог бы добавить он, но не стал.

– Ты прав, – отвечает Амара. – Прости.

В воздухе повисает неловкое молчание; Амара не двигается с места, Филос замер в дверях. Амаре кажется, что Филос так же одинок, как и она, несмотря на все его призывы к соблюдению пристойности.

– Если желаешь выпить в саду, – медленно выговаривает Филос, будто бы прощупывая почву, – я мог бы ненадолго задержаться и рассказать тебе, как у господина прошел день. Думаю, экономя может себе это позволить.

Амаре неясно, в шутку или всерьез Филос произнес последнюю фразу. Раньше они общались очень непринужденно. Амара до сих пор помнит, что он сказал ей, когда однажды вечером забрал из борделя и повел к господину. «А ведь рабом быть непросто, да? Когда ты молод, тебя имеют, когда ты стар, тебя имеют с двойной силой».

Воспоминание о том, как бранился Филос, заставляет Амару улыбнуться.

– Прекрасно, – произносит она, взяв два винных бокала и знаком попросив Филоса захватить кувшин.

Амара проходит через сад, Филос следует за ней. Портрет Дидоны скрывает тень. Они садятся на каменную скамью. Их разделяют бокалы и кувшин, а еще довольно большой проме-

жуток, оставленный Филосом, который старается занимать как можно меньше места. Филос, как Амара и предполагала, отказывается от вина.

– Так что же Руфус с Гельвием обсуждают сегодня? – спрашивает она.

– Празднества, – отвечает Филос. – Руфус предложил устроить после кампании представление в театре. Гельвий не прочь сэкономить, но ему совсем не хочется, чтобы его имя забылось.

В этом году Гельвий участвует в выборах на должность эдила Помпеев и почти не сомневается в своей победе. Должность эта не только управляющая, но и символическая, и избранным эдилам полагается тратить собственные деньги на бесплатные развлечения для народа. Руфус подумывает заявиться на выборы в следующем году и хочет заранее найти единомышленников.

– Разве они оба не могут присвоить себе лавры? – удивляется Амара.

– Я уверен, что все к этому и идет, – отвечает Филос. Протянув руку к кустарнику, растущему у скамьи, он срывает и растирает пальцами его ароматный стебелек. Тимьян. Вдохнув этот запах, Амара тут же переносится в детство и видит отца, который из трав, горячей воды и меда готовит лекарство от кашля. «Хорошо для пищеварения. И от меланхолии помогает». Филос рвет стебелек на мелкие кусочки, бросая их на землю.

– Как успехи с арфой? – спрашивает он.

– Друзилла считает, что мне нужно попросить арфу у Руфуса, и тогда я смогу заниматься дома, – отвечает Амара. – Но мне не верится, что однажды я научусь хорошо играть. – Она отпивает из бокала, чувствуя, как вино наполняет ее теплом. – А после урока я видела Примуса. Он учил буквы в саду.

– О! – восклицает Филос. – Помнится, я в детстве тоже этим занимался. В родительском доме.

Вечереет, но еще достаточно светло, и Амара видит, что эти воспоминания вызывают у Филоса улыбку. Он наконец оставил стебель тимьяна в покое.

– Ты когда-то был свободным? – спрашивает Амара. Удивление ее так велико, что она задала личный вопрос. Она была совершенно уверена, что Филос родился рабом.

– Нет, я всегда был рабом, – отвечает он. – Но образованным.

Амара всматривается в Филоса: ей хочется узнать больше, не проявляя излишнего любопытства. Филос вновь расплывается в улыбке. Амара понимает, что ему приятна ее заинтересованность; его серые глаза светятся озорством. Теперь он больше походит на Филоса из воспоминаний Амары о времени, когда они были настоящими друзьями.

– Муза, скажи мне о том многоопытном муже, – Филос переходит на греческий, – который долго скитался с тех пор, как разрушил священную Троию, многих людей города посетил и обычаи видел, много духом страдал на морях.

– Ты учил Гомера наизусть? – изумляется Амара.

– *Кое-что* из Гомера, – поправляет ее Филос. – Честно признаться, это чуть ли не единственный отрывок, который я помню. Я едва заучил пару сотен стихов «Одиссеи», но тут дети господина запретили мне их читать.

– За что они с тобой так? – спрашивает Амара.

– У меня больно хорошо получалось, – отвечает Филос. Амара ждет, что он скажет что-нибудь еще, но ему явно не по себе, словно он понимает, что и так сообщил слишком много.

– Прости, мне не... – Филос умолкает на полуслове. – Пойду попрошу Марту приберечь ужин. Руфус сказал, что зайдет к тебе, как только сможет. Может быть, завтра. Доброй ночи.

Филос встает и спешно уходит из сада, растворяясь в темноте атриума. Амара с тяжелым чувством смотрит ему вслед. Она не может понять, от чего ей так больно: от голода или от одиночества. Разумнее было бы попросить Марту вынести в сад немного рагу, ведь Амаре ни к чему оставаться без ужина только потому, что Руфус не пришел, но ей не хочется окликать

Филоса. Несколько месяцев назад ее положение было ниже, чем у любого из домашних рабов. Теперь им всем приходится прислуживать ей. Нетрудно вообразить, что другие рабы болтают за спиной Амары о госпоже – публичной девке.

Амаре больно думать, что Филос относится к ней с тем же презрением. Она знает, что скоро он уйдет в свою комнату – вернее, клетушку – крохотное, не больше кладовки, темное помещение под лестницей. Места там даже меньше, чем в камерке Амары в лупанарии. Но зато Филосу не приходится никого ублажать. Амара наливает себе еще вина. Она знает, что здесь Филос чувствует себя куда более одиноким, чем в доме Руфуса, где у него наверняка полно друзей – такая вторая «семья» в господском доме появляется у каждого раба. Вероятно, Филос возмущен, что ему пришлось променять все это на полупустой дом Амары. Еще труднее представить, что творится в головах у двух других рабов. Привратник Ювентус всю ночь, сгорбившись, просидит в своей конуре, из которой не может выйти даже для того, чтобы поспать. Марта ляжет в тесной комнатке наверху. В воображении Амары возникает чулан в доме Феликса: Руфус начал снимать эту комнатку за несколько месяцев до выкупа, чтобы спасти Амару от еженощных страданий в лупанарии.

«Парис, наверное, до сих пор там спит», – думает Амара, вспомнив съездившегося на полу соседа. Она почти не обращала на него внимания. Юный раб, принадлежащий Феликсу, и полусвободная проститутка вряд ли могли подружиться. Вообще-то большую часть времени в чулане Парис и Амара перебранивались, но теперь Амара вспоминает о парнишке с чувством, напоминающим симпатию.

– Проклятая идиотка, – бормочет Амара, не стесняясь ругаться в одиночестве. Она отпивает из стакана. Вино обжигает. Амара скучает не по Парису. Образы подруг из «Волчьего логова» так ярки в ее памяти, что кажутся более реальными, чем сад, в котором она сидит. Амара знает, что в этот час они готовятся к наплыву посетителей, перебрасываясь шутками, чтобы рассеять мрак. Интересно, осталась ли у Бероники баночка золотой краски для глаз, удалось ли ей сегодня улучшить хоть минутку наедине со своим любовником Галлом, подтрунивает ли над ней по-прежнему Виктория? Амара крепче сжимает ножку бокала. *Виктория*. Их с Амарой связывает не только любовь, но и кровавый долг – священные узы по меркам богов и людей. Если бы не Виктория, Амара бы погибла. Рискнув всем ради Амары, Виктория убила человека и спасла подруге жизнь. Но Амара так и не отблагодарила Викторию. Напротив, став любовницей богача, она оставила подругу чахнуть в лупанарии.

По телу Амары разливается чувство вины, жгучее, словно напиток в бокале. Она переводит взгляд на портрет Дидоны: теперь на стене угадываются лишь его темные очертания. Но и они становятся неясными, когда глаза Амары наполняют слезы.

– Доброй ночи, подруга, – обращается она к стене. Осушив бокал, Амара встает и уходит. Наутро Марта уберет все, что осталось на скамье.

Вокруг красные стены. Феликс сидит спиной к Амаре, но рано или поздно обернется. Амара открывает рот, чтобы закричать, но не может издать ни звука. Хочет убежать, но ее ноги наливаются свинцом. Амара просто не может переставлять их достаточно быстро. Вот он стоит рядом с Амарой; в руках у него нож, которым он орудовал на Сатурналиях, в ту ночь, когда умерла Дидона. Амара знает, что он возьмет ее силой и что она не сможет этому помешать. Феликс нацеливает клинок на глаз Амары.

– Я скучал.

Проснувшись, Амара судорожно ловит воздух. Лицо ее залито слезами. Она не сразу вспоминает, где находится. Затем она забирается с головой под одеяло, борясь с желанием разрыдаться, впиваясь ногтями в ладони, стискивая кулаки. Охваченная ужасом, Амара все же понимает, что уродливые опухшие глаза ей ни к чему.

– Это пройдет, – шепчет она, задыхаясь в темноте и сдерживая слезы. – Пройдет.

Теперь, когда Амаре ничто не угрожает, ночные кошмары мучают ее чаще, чем когда ей приходилось выносить ужасные страдания наяву.

Под одеялом душно. Откинув его, Амара через силу вылезает из кровати. Становится на холодную плитку. Потягивается, чтобы прогнать страх, как будто его можно стряхнуть с кончиков пальцев. Спальня у Амары небольшая: в ней помещается лишь кровать и бельевого сундук, но здесь ей спокойно. Через окно, выходящее в таблинум³, проникает только естественный свет. В нем мягко поблескивают ветви цветущей яблони, которыми расписаны стены. В альковах расставлены масляные лампы. Руфус говорит, что по ночам эти светильники напоминают звезды, виднеющиеся сквозь верхушки деревьев.

Воспоминание о любовнице утешает Амару. Она подносит руку к сердцу. Руфус защитит ее от Феликса – как и всегда.

Амара одевается: звать на помощь Марту ей совсем не хочется. Она достает из сундука свой любимый наряд – белую тунику, подарок Плиния. Ткань кое-где потерлась, но у Амары нет платья красивее. Адмирал римского флота Плиний был бы патроном Амары, не переписи он все права на Руфуса. Плиний даровал Амаре свободу и свое имя – Гая Плиния Амара, *вольнотпущенная*. Кажется, ей никогда не надоест повторять эти четыре слова, особенно последнее. Застегивая белую тунику на плече, Амара шепчет свой новый титул, как заклинание. Она надеется, что однажды снова встретится с адмиралом, чтобы поблагодарить его за все, что он сделал.

Отперев дверь, Амара выходит в соседнюю комнату. Там, сидя на табурете, ее уже ждет Марта. Она выглядит усталой. При виде госпожи она тут же вскакивает.

– Тебе ни к чему вставать так рано, – смущенно говорит Амара. – Прошу тебя, отдохай, пока я не позову.

– Господин сказал, что я должна служить тебе, – отвечает Марта, подходя к туалетному столику и жестом приглашая Амару сесть, чтобы заняться прической.

В полной тишине Марта приводит волосы Амары в порядок, расправляя гребешком помявшиеся за ночь локоны.

– А дома, в Масаде, ты тоже была служанкой? – вдруг спрашивает Амара.

Марта так резко останавливает руку с гребнем в волосах госпожи, что Амара морщится от боли.

– Кто тебе сказал?

– Наверное, ты сама, – отвечает Амара, не желая признаваться, что узнала это от Филоса.

– Нет, я не была служанкой. Я была замужем, – глухо произносит Марта и вновь принимается за дело.

Амару поражает мысль, что у Марты, быть может, есть дети и что она, вероятно, разбедела еще одну глубокую рану в душе служанки, чьих малышей похитили или убили.

– Прости, – говорит Амара. – Трудно быть вдаль от дома. И от семьи.

– На все воля Божья, – отвечает Марта. – Не мне об этом судить.

«И не тебе тоже», – заканчивает она про себя.

Амара решает отступить. Пускай Марта хранит свои тайны. Ведь у нее в конечном счете больше ничего нет. Амара закрывает глаза, воображая, будто волосы ей укладывает Виктория, будто пальцы, что касаются ее головы, принадлежат тому, кто ее любит. В лупанарии Виктория всегда будила подруг утренней песней, какой бы темной ни была ночь накануне. Одно лишь воспоминание о нежном голосе Виктории заставляет Амару улыбнуться. Марта молча доводит прическу Амары до идеала и протягивает госпоже зеркало, чтобы та накрасила глаза. Когда

³ Помещение в древнеримском жилище, примыкающее непосредственно к атриуму, от которого его отделяла ширма или деревянная перегородка. Обычно служило кабинетом хозяина дома.

с этим покончено, госпожа и служанка отправляются в разные стороны и обе, как кажется Амаре, выдыхают с облегчением.

Амара выходит в сад. На скамье пусто, кувшин и бокалы убраны. Над головой раскинулось бледно-голубое небо нового дня с едва взошедшим солнцем. Амара чувствует запах свежести, который еще витает в воздухе. В фонтане с мраморной Венерой, облокотившейся на край бассейна, чуть слышно журчит вода. Амару захлестывает волна счастья. Быть свободной – значит наслаждаться тем, что тебя окружает.

Амара наклоняется, чтобы осмотреть кустик тимьяна, который вчера оборвал Филос, и выяснить, не растут ли здесь другие целебные травы. Она живет здесь уже несколько месяцев, но не обращала на них внимания.

– К чему это преклонение перед цветами? Посмотри, ты вогнала их в краску!

Услышав знакомый голос, Амара от неожиданности вскакивает на ноги.

– Руфус!

Патрон рассматривает Амару, стоя у входа в сад. Она бросается ему в объятия.

– Прости, что огорчил тебя вчера, дорогая, – произносит Руфус, с силой прижимая Амару к груди. – Пришел, как только смог.

Амара неотрывно смотрит на Руфуса обожающими глазами. Она так боится потерять расположение покровителя, что ей кажется, будто она и вправду его любит.

– Я очень рада, что ты здесь, – говорит она, подставляя губы для поцелуя. – Вот только не знаю, смогу ли простить Гельвия за то, что он тебя задержал.

Руфус с тяжелым вздохом опускается на скамью.

– Надо же быть таким спесивцем! – говорит он, положив руку на колено Амары, усевшейся рядом. – Ты никогда не угадаешь, что он задумал. В конце мая он хочет устроить Таврийские игры⁴, чтобы умилостивить подземных богов.

– Но зачем? – тревожно спрашивает Амара.

– Помнишь, как нас потряхивало в январе? Гельвий уверен, что грядет очередное сильное землетрясение.

– Но в тот раз мы почти ничего не почувствовали! – возражает Амара, припоминая колыхания земли и рокот, подобный далекому грому. Все закончилось еще до того, как Амара поняла, что происходит, но в полу атриума появилась на удивление большая трещина, а мостовую завалило черепицей с крыши.

– Ты не знаешь, что здесь случилось в год консульства Мария и Афиния, – произносит Руфус, и в его собственном голосе тоже слышатся спесивые нотки. – Мы до сих пор приводим город в порядок. – Руфус рассекает воздух ладонью, словно отмахивается от невидимого Гельвия. – Как бы то ни было, я ничего против Таврийских игр не имею. Но теперь Гельвий возомнил, будто на фоне театральных представлений в честь Флоралий игры будут смотреться дешево. Чуть! Даже Цицерон устраивал постановку. А ведь Гельвия еще не избрали! Только представь, как он возгордится после выборов!

– Ты его переубедишь, я знаю. А когда сам станешь эдилом в следующем году, сделаешь все по-своему. – Амара пальцами обвивает пальцы Руфуса, пытаясь скрыть волнение и заодно понять, уместно ли прямо сейчас еще туже переплести их с патроном жизни. – Я подумала, – начинает она, – может, ты как-нибудь пригласишь Гельвия *сюда*? Я бы устроила вам музыкальный вечер. Гельвий увидит, как много для тебя значат представления. Я бы наняла музыкантов. А ты бы заплатил им, как своим собственным.

⁴ Игры в честь подземных богов, учрежденные в Риме Тарквинием Гордым по поводу эпидемии и после того несколько раз повторенные.

– Ты хочешь нанять музыкантов? – удивленно спрашивает Руфус. В прошлой жизни сутенер сдавал Амару с Дидоной в аренду, и девушки пели на пирах. Так Амара и познакомилась с Плинием. Дело редко ограничивалось одним лишь пением.

– Не подумай, я не собираюсь выступать за пределами этого дома, – быстро произносит Амара. – Но мне так нравилось переключать стихи на музыку в компании Дидоны! И так хотелось бы потешить этим тебя! Друзилла готова разделить затраты, если сможет время от времени звать наших музыкантов к себе. Мы обсуждали, кого нанять. Может, флейтистов?

– Так вы, значит, уже все решили? – смеется Руфус. – Что ж, дай-ка подумать. Пожалуй, я найму тебе музыкантов, когда ты сыграешь мне на арфе.

Филос выносит сладкого вина, хлеба и рассыпчатого сыра, который Марта вчера купила специально к приходу Руфуса. Филос опускает поднос на столик перед Амарой. Она пытается поймать его взгляд, чтобы поблагодарить, но он отводит глаза. И уходит так же бесшумно, как и появился.

– Что Друзилла сказала тебе на вчерашнем уроке? – продолжает Руфус, не удостоив раба вниманием. Портрет Дидоны на стене он тоже не заметил. – Как твои успехи?

– Друзилла считает, что будет лучше, если у меня дома появится свой инструмент для занятий, – отвечает Амара, протягивая Руфусу бокал вина.

– Я уже много раз это повторяю! – восклицает Руфус, закатив глаза, и отпивает из бокала.

– Боюсь, пока моя игра тебе не понравится, – говорит Амара. – Не хочу тебя разочаровывать.

– Моя беспокойная пташка. – Руфус наклоняется, чтобы снова поцеловать Амару. – Ну разве я могу перестать тобой восхищаться?

Амара улыбается Руфусу, внутренне содрогнувшись при звуках своего ласкового прозвища. Руфус начал называть ее так после освобождения: Плиний в одном из писем к Руфусу сравнил Амару с птицей, что не поет в неволе. Отставив бокал, Руфус притягивает Амару к себе.

– Сегодня утром у меня мало времени, любимая, – шепчет он, зарывшись лицом Амаре в волосы и скользя рукой по складкам платья.

– Дай мне минутку, – просит Амара, вспомнив, что не натерлась жасмином, а главное, не приняла средство от беременности – этого Амара предпочитает не делать на глазах у Руфуса.

– Только поскорее, – отвечает он, отпуская Амару. По пути из атриума она, обернувшись, бросает на Руфуса взгляд, которому ее научила Виктория. Амара знает, что теперь Руфус точно не устоит. Их глаза встречаются, и Амара тут же убеждается в своей неуязвимости. Сложно представить, что однажды этот мужчина перестанет ее желать.

Руфус ушел, и Амара в одиночестве сидит за туалетным столиком. Трясущимися руками она берет пузырек с сурьмой. И ставит его на место. Слишком самонадеянно было использовать тот самый прием, чтобы впечатлить Руфуса. Тот самый прием, которого от Амары всегда требовал Феликс и который теперь тревожит в ней темные воспоминания. Амаре повезло, что любовник был на пике наслаждения и не заметил ее замешательства. Хотя бы в этом ее затея увенчалась успехом.

Амара снова берется за сурьму, и теперь ее движения тверды. Поставив зеркало под наклоном, чтобы не звать Марту, она подводит глаза черным. Отражение в зеркале, кажется, исполнено большей решимости, чем сама Амара.

В атриуме Амара застаёт смеющихся Ювентуса и Филоса. Прислонившись к стене, они болтают на местном наречии, которого Амара не знает, и обмениваются им одним понятными шутками. Ювентус с густой бородой сложен куда крепче гладко выбритого Филоса, но в такие минуты они похожи как братья. Амара знает, что привратник получил свое место благодаря

Филосу. В руках у Ювентуса она замечает ломоть хлеба. Наверное, Филос принес из кухни. Завидев Амару, оба умолкают.

– Ко мне никто не приходил? – спрашивает Амара.

– На скамейке у дверей ждет женщина, – отвечает Филос. – Мы ее видим впервые.

Метелла из Венериных терм.

Амара кивает Ювентусу.

– Впусти ее.

– Мне подготовить договор? – спрашивает Филос.

– Сперва я поговорю с ней наедине, – отвечает Амара. – Принесешь нам поднос из сада?

– Конечно.

Входит Метелла. Настоящая матрона, которая раньше на улице и не взглянула бы на Амару. Теперь, тревожась и готовясь защищаться, она входит в дом бывшей шлюхи.

– Я очень рада, что ты пришла! – восклицает Амара, обнимая Метеллу. – Прости, что заставила ждать.

Метелла улыбается в ответ, но не теряет бдительности. Увлекая Метеллу в таблинум, комнату для приема гостей, Амара продолжает рассыпаться в любезностях, а затем заводит разговор о Юлии Феликс, их общей подруге и владелице терм, где они и познакомились. Когда Метелла с Амарой уселись друг напротив друга и Филос выставил на стол угощение, гостя, кажется, почувствовала себя свободнее.

Таблинум – одна из лучших комнат в доме. Из окна, что позади Амары, проникает ароматный садовый воздух. Стены выкрашены в желтый, и на них тут и там виднеются птицы: летают в разные стороны или сидят на цветущих ветвях. На стене напротив окна нарисован павлин, его изумительный распущенный хвост выглядывает из-за спины у Метеллы, а на дверной притолоке примостились голуби. Амара не спешит переходить к делу. Она разливает вино, расспрашивает Метеллу об ее семье, расхваливает достижения ее детей и сочувственно кивает, когда доходит до рассказов о свекре-деспоте. Амара очень внимательно слушает Метеллу. Бывший господин научил ее как можно больше узнавать о жизни клиента. Феликс был непревзойденным ростовщиком. Его тень незримо присутствует и на этой встрече, но не все связанные с ним воспоминания гнетут Амару. Она набрасывает на себя непринужденное обаяние Феликса, словно накидку, под которой скрывается их общая страсть к деньгам.

– А твой патрон знает о твоём... деле? – спрашивает Метелла, наконец подобравшись к сути. Она окидывает взглядом расписанные стены – за спиной у хозяйки летает стайка изящных ласточек, – прикидывая в уме, сколько Руфус тратит на свою любовницу. Он происходит из знатной помпейской семьи, которая приобрела еще больший вес теперь, когда Руфус пошел по стопам своего отца Гортензия и занялся политикой.

– Ну что ты! – произносит Амара, махнув рукой. – Какое же это *дело*? Вовсе нет. Я лишь время от времени помогаю друзьям. Чем могу.

– Мне нужно совсем немного, – отвечает Метелла. – Пятнадцать денариев. Я с легкостью их верну. Но мне бы хотелось, чтобы это осталось в тайне. Мужу это может не понравиться.

Из этого Амара делает вывод, что муж Метеллы пребывает в неведении.

– Это всё женские пустячки, – соглашается Амара. – Нет нужды посвящать в это кого-то еще.

Метелла снимает с запястья браслет и медленно кладет его на стол.

– Эта вещь мне очень дорога, – произносит она.

– Обещаю, что сохраню ее, – отвечает Амара, аккуратно берет браслет и, выказывая почтительность нужной степени, принимается рассматривать гравировку на бронзовой поверхности. Затем она со всеми предосторожностями прячет украшение в коробочку, чтобы не мучить Метеллу.

– А у меня совсем не высокий тариф. Пять процентов в месяц. И еще пять процентов сверху, если сумма не выплачена за три месяца.

Метелла кивает, но по ее лицу заметно, что от слов Амары ей отнюдь не радостно.

– Идет, – отвечает она.

Амара подходит к двери и открывает ее в знак того, что Филос может войти. Он влетает еще до того, как Амара садится на место. Когда Филос наклоняется, чтобы положить на стол восковую табличку, она шепотом сообщает ему сумму. Амара очень удивилась, когда Филос отказался брать процент за составляемые им договоры. Она бы *никогда* не отказалась от денег, кто бы их ни предложил.

Пока Амара с Метеллой беседуют, Филос составляет договор. Затем подает документ на подпись. Метелла не сразу решается поставить отметку на воске. Пять процентов не сравнятся с баснословными тарифами, которые раньше заламывал Феликс, но ведь и у Амары нет таких суровых покровителей, которые станут вышибать из клиентов платежи. Амара даже не может вообразить, что когда-нибудь ей потребуется такая помощь. Все ее клиенты – женщины, а с ними, как известно, куда надежнее иметь дело.

Договор подписан, и Метелле явно не терпится уйти. Амара знает, что в этом нет ничего необычного. Она ведет Метеллу через атриум и, не упуская возможности поразить ее садом, затевает разговор о нарциссах, лишь бы гостье все происходящее казалось простым дружеским визитом.

– Какая изумительная фреска! – отмечает Метелла, с сомнением разглядывая жестокую сцену охоты.

– Дом был отделан еще до того, как я здесь поселилась, – с улыбкой отвечает Амара.

Обменявшись парой неловких реплик о фонтане, Амара с Метеллой расстаются. Провожая гостью до дверей, Амара делает вид, что не замечает старуху в лохмотьях, сидящую у лестницы в атриуме. Сгорбленную фигуру легко принять за пожилую рабыню, не стоящую внимания.

Распрощавшись с Метеллой и убедившись, что она скрылась за углом, Амара поворачивается к старухе. Та распрямляется и отбрасывает капюшон с лица. Это Фабия, служанка из борделя, бывшая проститутка и старейшая рабыня Феликса.

– Спасибо, что пришла. – Амара берет Фабию за протянутые руки. – Я по тебе скучала.

Глава 3

А ведь несчастным рабам нельзя раскрыть рта, чтобы сказать хоть слово, не то чтобы поесть. За малейшим шепотом следует взмах розги; наказываются даже нечаянные звуки, как то: кашель, чихание, икота.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию

Амара и Фабия сидят в саду; на столике перед ними вчерашнее рагу и горка ломтиков хлеба. Обе едят с волчьим аппетитом: Фабия ненадолго вырвалась из полуголодного существования, а Амара – из самовольно наложенных запретов. Амара понимает, как они с Фабией смотрятся со стороны – шлюхи, старая и молодая, с измазанными соусом подбородками набивают животы, – но ей плевать.

– Какая же вкуснятина! – Фабия еще раз проходится куском хлеба по и без того вычищенной тарелке. – Повар у тебя что надо.

– Я передам Марте, что тебе понравилось, – отвечает Амара.

– Надо же, – произносит Фабия, слегка отклонившись и окинув Амару взглядом. Теперь, когда голод терзает ее не так сильно, она наконец может сосредоточиться на беседе. – Как хорошо ты устроилась! Даже не верится!

Портрет Дидоны оказался у Фабии за спиной – к счастью для Амары, которой вовсе не хочется повергать гостью в уныние.

– Как вы там поживаете? – спрашивает Амара. – Как дела у Виктории? А у Бероники? Она все так же с Галлом? Британника пошла на поправку?

– Все по-старому, – отвечает Фабия, взяв еще один ломтик хлеба и отпив из бокала. – Бероника надеется, что Галл женится на ней. Может, так и случится, кто знает. А хозяин только недавно нашел вам с Дидоной замену. Двух греков, девушку и парня. Мой Парис не нарадуется: ему в борделе достается меньше. Но как по мне, новеньким бы еще подрасти. Вдобавок они наступают Виктории на пятки.

– Феликс по-прежнему держит ее наверху по ночам?

Фабия кивает.

– Чего ждать от этого выродка? Иногда он по целой неделе прячет ее у себя, словно она ему жена, а потом отправляет обратно в бордель. Виктория сильна, но любой сломается от вечного крушения надежд. Феликса этой уловке научил... – Фабия замолкает на полуслове.

– Отец? – спрашивает Амара.

– Ты знаешь, я не могу об этом говорить, – тихо произносит Фабия.

Амара наливает гостье еще вина.

– Клянусь, Феликс не смог бы подослать сюда шпионов.

– Верю. – Фабия залпом осушает бокал. – Да, этому он научился у отца. Так старый господин обошелся с матерью Феликса. С Феликулой.

При звуках этого имени у Амары по коже пробегает холодок. Оно высечено на стенах борделя: «Здесь я имел Феликулу».

– Как эта дурашка любила старика! – вздыхает Фабия. – Вечно придумывала ему жалкие оправдания. Она была крохотной, но клиенты ее обожали. Я так и не смогла это понять. Видно, ума не хватает.

– А где в то время жил Феликс?

– Там, где оказывалась его мать, – отвечает Фабия. – Все висел на ней, как белка на дереве. Знаю, сейчас он мерзкий тип, но в детстве был *прехорошеньким*. Как вспомню его огромные

карие глаза! – Фабия отставляет пустой бокал, и Амара наполняет его вновь. – По правде говоря, он был даже краше моего Париса в том же возрасте.

Амара знает, что если Фабия увлекается разговором о своем сыне Парисе, то сменить тему почти невозможно.

– Что стало с Феликулой?

– А рагу еще осталось? – Фабия многозначительно смотрит на Амару, и та все понимает. Это не просто встреча старинных подруг. Все имеет свою цену.

– Конечно, – отвечает Амара. Сняв крышку с кастрюльки, которую оставила Марта, она накладывает Фабии третью порцию.

– Феликс не должен узнать, что я тебе все это рассказала, – произносит Фабия, наблюдая, как наполняется тарелка. – Я могу поплатиться жизнью.

– За тобой не было хвоста?

– Нет, – отвечает Фабия. – За этим я всегда слежу. Да и кому может быть дело до того, куда ходит старая кошелка?

Фабия принимается за еду, и беседа останавливается. Амара рассматривает гостью. Неутолимый голод Фабии напоминает Амаре, какой была бы ее жизнь, если бы не Руфус: безобразная нищета проститутки, потерявшей былую красоту. Амара помогает старухе, чтобы не забывать, что ей крупно повезло и что все они живут на острие ножа. И конечно, не будь Фабии, Амаре неоткуда было бы узнавать, как дела у подруг или что замышляет Феликс. Амара понятия не имеет, зачем ей все эти сведения о бывшем господине, но чувствует, что лишними они не будут.

Проглотив остатки бобов, Фабия выскребает дно тарелки, чтобы не пропустить ни капли соуса.

– До чего вкусно! Я теперь всю неделю продержусь, – произносит она, бросив взгляд на Амару. – Давно я не вспоминала о Феликуле. И почему тебя так волнует далекое прошлое?

Амара пожимает плечами.

– Что же стало с Феликулой?

– Если ты считаешь злодеем Феликса, то это потому, что ты не знала старого господина. – Фабия передергивает. – Бедный малыш столько лет видел, как отец бьет мать, а может, кое-что похлеще. Она умерла у него на глазах.

Амара понимает, что произошло, еще до того, как успеваешь спросить. Фабия кивает, заметив, как исказилось лицо подруги.

– Вряд ли господин *хотел* ее убить, но она была такой хрупкой. Он сломал ей шею.

В воображении Амары возникает образ Феликса, стоящего на коленях и неотрывно смотрящего на отцовский стол. Амара вспоминает, что он говорил о матери: «Она умерла, когда мне было десять». Потрясенная, Амара не может сказать ни слова. Она переводит взгляд на фонтан в надежде, что тихое журчание перекроет звон в ушах. Жалость – последнее, что Амара испытывает к Феликсу, но у нее сжимается сердце при мысли о том, как он страдал в детстве и как, вероятно, мучится сейчас.

– Мне казалось, он станет другим. – Фабия сама наливает себе вина, поняв, что Амара еще не скоро придет в чувство. – Это я про Феликса. Его мать была просто прелесть, и он в ней души не чаял. Ходил за ней по пятам. А потом за него взялся отец. Может, совесть загрызла, не знаю. Он-то и сделал из Феликса свою копию. Не удивлюсь, если он выколотил из мальчика всю доброту. И теперь все повторяется с Викторией.

От этих слов Амара вздрагивает.

– Думаешь, Феликс может навредить Виктории? В смысле *по-настоящему* навредить?

Фабия явно встревожена.

– Мне кажется, он стал бить ее чаще, чем раньше, – признаётся она. – Он стал еще более жестоким после того, как ты ушла. И еще более непредсказуемым.

– После того, как я ушла? – удивленно переспрашивает Амара. – Но почему? Ему же заплатили целое состояние!

– Я не знаю, что происходило между вами двумя наверху. – Фабия подносит ко рту последний кусок хлеба. – Ты же проводила там уйму времени. Но это не *мое* дело.

– Ничего не было. Я помогала ему вести счета.

Фабия недоверчиво приподнимает брови.

– Может, конечно, все дело было в Дидоне. Но мне всегда казалось, что Феликс влюблен в тебя. – Ронья крошки, она тычет ломтиком хлеба в Амару. – И ты меня о нем без конца расспрашиваешь! Я была уверена, что вы с ним любовники или что-то в этом роде.

Слова Фабии переносят Амару в красный кабинет. Она вновь видит Феликса, его голос звучит у нее в голове: «Я скучал». Амара всегда изо всех сил отказывалась понимать, что он хотел сказать на самом деле.

– Между нами никогда не было ничего такого, – произносит она, отгоняя воспоминания и пытаясь заглушить чувство стыда. – Не хочешь ли поесть фруктов? А затем расскажешь, как дела у Париса.

Фабия всегда просиживает в гостях у Амары по несколько часов. Так что хозяйке рано или поздно приходится использовать предлог, чтобы отправить ее обратно, и врать, что скоро придет Руфус. Желая сохранить хлипкую видимость того, что эти встречи – лишь проявление милосердия, а не дружбы, Амара просит Филоса проводить Фабия до дверей. Из атриума до нее доносятся возгласы старухи, которая пытается задержаться еще хотя бы на минуту, и снисходительный шепот Филоса. Эконом всегда безупречно вежлив с Фабией: он даже называет ее *госпожа*, словно перед ним почтенная женщина. Всякий раз, когда Филос произносит это слово, Фабия принимается восторженно хихикать, будто забывая, что она уже давно не миловидная кокетка.

Амара остается наедине с Дидоной. Она смотрит на подругу, но взгляд той устремлен на умирающего оленя. Дидона уже никогда не взглянет Амаре в глаза, даже если явится бесплотным духом. Еще до собственного освобождения Амара поклялась сделать все, чтобы выкупить Дидону и поселить ее в этом доме. Теперь Дидона мертва. Но Виктория еще жива.

– Твои подруги в добром здравии? – приветливо спрашивает Филос, вернувшийся, чтобы убрать посуду. Фабии всегда удается его развеселить. Амара невольно встает, чтобы помочь Филосу, но тот резко отстраняется, когда их руки соприкасаются.

– Прости. – Амара опускается на место. – Мне не... – она осекается. Не так-то просто объяснить Филосу, почему ей становится не по себе, когда он прислуживает.

– Если тебе станет от этого легче, знай: я всего лишь выполняю приказания Руфуса. – Филос складывает тарелки стопкой. По невозмутимому лицу невозможно догадаться об его истинных чувствах. – Ты ведь тоже живешь здесь по его желанию. Нам с тобой не о чем рассуждать. И не о чем беспокоиться.

Все, что говорит Филос, – правда, но Амару это не обнадеживает.

– Тебе, наверное, интересно, почему я до сих пор вижусь с Фабией?

– Вовсе нет, – отвечает Филос, поднимая взгляд на Амару. – Почему бы не помочь старухе? Она голодает не по своей вине. И что может быть понятнее дружбы?

– Да, это так, – произносит Амара. Слова Филоса лишь подтверждают правильность недавно возникшей у нее мысли. Она делает нетерпеливый жест в сторону подноса. – Не мог бы ты отвлечься? Я хочу обсудить с тобой одну покупку.

– Сейчас? – Филоса пугает такая смена настроения.

– Да, мне нужен твой совет, – взволнованная, Амара снова вскакивает с места. Она решила, что нужно сделать, и больше не может ждать. – Прямо сейчас.

Амара взбегает по лестнице в кабинет, Филос торопится за ней.

Стоя в дверях, Филос смотрит, как Амара достает из ящика коробочку с деньгами. Откинув крышку, Амара принимается перебирать монеты, пересчитывая их, хотя заранее знает конечный результат.

– Что такое? – тихо спрашивает Филос. Оставшись с Амарой с глаз на глаз, он ведет себя менее скованно. – Что ты делаешь?

– Фабия сказала, что Феликс все хуже обращается с Викторией. Ненадолго уводит ее наверх, а потом снова отправляет торговать собой. Его отец поступал точно так же с его матерью. – Амара вертит в руках подаренные Руфусом сережки, прикидывая, сколько они стоят. – Отец Феликса убил его мать на глазах у сына. Ты знал об этом? – Амара бросает взгляд на Филоса. – Только представь, на что он способен, на что он готов *пойти*.

Не дожидаясь приглашения, Филос садится на сундук – при Руфусе он бы никогда не позволил себе такой вольности. Он совершенно спокойно всматривается в тревожные глаза Амары. Это приводит ее в ярость.

– Мне очень жаль Викторию, – произносит Филос. – Но я сомневаюсь, что Феликс ее убьет. Ему далеко до отца.

– Да он же треклятое чудовище! – Амара переходит на крик. У нее слишком трясутся руки, чтобы дальше пересчитывать деньги. Вспомнив крепкую хватку Феликса, она прикладывает ладонь к шее. – Ты не знаешь, каково это – принадлежать такому человеку.

И только произнеся эти слова, Амара понимает, что ошиблась. Филос многое испытал, когда его хозяином был Теренций, дед Руфуса.

– Ты больше не принадлежишь Феликсу, – отвечает Филос. Он так печально смотрит на Амару, что ей хочется разрыдаться. – Теперь ты здесь. Под защитой. Он больше тебя не тронет.

– Но он может навредить Виктории!

На это Филосу нечего возразить.

– Ты в этом не виновата. И ничего с этим не поделаешь.

Амаре не легче от того, что Филос понимает всю плачевность положения Виктории. Она отворачивается, чтобы успокоиться. Сейчас нужно убедить Филоса, а не плакать из-за него.

– Я обязана Виктории жизнью, – произносит Амара почти бесстрастным тоном. – Если бы не она, я бы погибла. Нас связывает кровавый долг. У меня нет выбора.

– Нет, – отвечает Филос, обо всем догадавшись. – Ты не можешь этого сделать.

– Почему же? Я сказала Руфусу, что хочу нанять музыкантов. Он мне не отказал. А у Виктории отличный голос!

– Речь шла о флейтистах.

– Ты *подслушивал*?

– Я вам не дверной косяк, – раздраженно отвечает Филос. – У меня есть уши.

– Руфус слушает меня не так внимательно, – произносит Амара. – Он и не вспомнит таких подробностей. Да и какое ему дело? Какая разница, кто перед *ним*: певец или флейтист?

Филос хмурится, и Амара, вспомнив предостережение Друзиллы, чуть слышно добавляет:

– Не сочти это за неуважение...

– Не волнуйся, – перебивает Филос, слегка поморщившись от ее слащавого голоса. – Я не стану на тебя *доносить*. Неужели ты держишь меня за надзирателя?

– Значит, ты согласен, что Руфус не будет против?

– Дело не в Руфусе, – отвечает Филос. – Хотя самовольничать и не кажется мне разумным.

Он это не слишком жалуется.

– В чем же тогда дело?

– В тебе! – рассерженно выдыхает Филос. – Вспомни, сколько усилий ты приложила, чтобы освободиться от Феликса. А теперь ты хочешь стать его *должницей*. – Филос обводит

рукой рассыпанные по столу деньги и украшения. – С Феликсом нельзя договориться о разумной цене. И что ты станешь делать? Каждый месяц являться в бордель, чтобы выплачивать долг? Зачем так рисковать?

– Руфус заплатит, – нерешительно произносит Амара.

– Боюсь, ты не сможешь даже назвать Руфусу цену, которую заломит Феликс.

– Может, попросить у него половину?

– Прошу, не делай этого.

– Но я *люблю* Викторию! Неужели ты не понимаешь? Чего стоит моя свобода, если я не могу спасти любимого человека?

– Ты не можешь выкупить всех, кто был дорог тебе, когда ты была рабыней.

– Всех – нет. Но я могла бы помочь Виктории. Разве нет человека, которого ты выкупил бы, если бы был свободным? Должен быть *кто-то*, кого ты безумно любишь.

Во взгляде Филоса появляется такая тоска, что Амара тут же жалеет о сказанном.

– Есть. Сестра, – отвечает Филос.

– У меня не осталось родных. Дидона умерла. Моя сестра – Виктория.

Амара и Филос вглядываются друг в друга. Филос первый отводит глаза.

– Мне все же кажется, что это дурная затея, – говорит он. – *Сейчас* Феликс тебе ничем не угрожает, но что случится, если ты сновапустишь его в свою жизнь? Если задолжаешь ему столько денег? Ты можешь лишиться всего. Подумай, как он опасен.

Амара проводит по монетам пальцами, но привычное чувство успокоения не наступает. При мысли о том, что ей придется расстаться с этим утешающим богатством – пусть даже ради Виктории, – ей хочется срочно сложить все до единой монеты в коробочку и захлопнуть крышку.

– Ты считаешь меня трусихой?

– Нет! – восклицает Филос. – Что за чушь! Будь Феликс моим господином, мне было бы страшно. Думаешь, я не боялся Теренция? Думаешь, страх *прошел* после его смерти?

Амара вспоминает о ночных кошмарах, о вечной боли, о грузе, которым наградил ее Феликс. Она чувствует, как ослабевает ее решимость.

– Это проходит?

Феликс не спрашивает, что Амара имеет в виду. Они никогда об этом не говорили, разве что намеками, когда Филос, отшучиваясь, рассказывал о своем прошлом. Но Амара понимает: Филосу знакомо полное бессилие перед человеком, который тебя *использует*. Его молчание служит ей ответом.

– Я все обдумаю сегодня, – говорит Амара, поднимаясь со стула. Она зла на Филоса, который напомнил ей, как она уязвима. – А завтра сообщу тебе о своем решении.

Глава 4

*Мы знаем, что она была в борделе – она низкопоклонничает.
Сенека Старший. Контroversии, 1.2*

В феврале темнеет рано. Не желая коротать вечер в пустом доме, Амара решает уйти в спальню. Она обходит сад стороной, чтобы не видеть погруженный в тень портрет подруги. Сегодня ей мучительно не хватает Дидоны. Скорбь утраты всякий раз обрушивается на Амару неожиданно. Сидя в постели, Амара обнимает колени руками, будто может удержать горе внутри, не дать ему растечься мерзкими, как нарисованные оленишки кишки, струями.

Жаль, что Руфус так быстро ушел сегодня. Амара знает, что ей было бы намного легче, вернись он вечером. Если бы они чаще виделись, то, возможно, одиночество не было бы для Амары так мучительно. Решено: как только у Амары появится арфа, она будет просиживать за ней часами, лишь бы заманить к себе Руфуса и наполнить жизнь смыслом. Но даже если бы Руфус приходил каждый вечер, он не смог бы занять и половины того места, что в сердце Амары занимала Дидона. Амара воображает себе подругу в их бордельной каморке. Стоит позвать Дидону – и она обернется: широкая улыбка, нежный взгляд. Она по-настоящему любила Амару – в этом нет сомнений.

«“Волчье логово” в прошлом, – мысленно произносит Амара. – Ты свободна! Цени, что имеешь». Она ложится и долго еще следит за отсветами на яблоневои цвете, которые отбрасывает единственная зажженная лампа. Амара не гасит ее на ночь, чтобы рассеять тьму. У Амары щедрый любовник: можно не скупиться на масло. В спальне прохладно и тихо. Дверь заперта, но это совсем не обязательно, ведь никто не посмеет вломиться и начать приставать к Амаре, как это бывало в борделе. Сколько ночей она провела в думам о свободе, горячо мечтая оказаться доме, подобном тому, где она живет сейчас. Так почему же теперь все ее мысли занимают подруги, оставленные в прошлом?

Амаре нетрудно представить, что волчицы здесь, в ее доме, и что они все вместе смеются, наполняя голосами сад. Она переворачивается на другой бок. Амаре хочется освободить Викторию не только из чувства вины, каким бы тягостным оно ни было. Когда Амара мысленно переносит Викторию в свой дом, ее наполняет радость, по силе сравнимая со страхом, что ей внушает Феликс. Амара уверена, что Филос все понял, хоть и пытался ее отговорить. Это было написано во взгляде Филоса, когда он вспомнил о сестре. Глядя на танцующие по потолку тени, Амара представляет, что Филос тоже лежит в одиночестве и думает о родных – как Амара о Виктории. Она надеется, что не ранила Филоса, напомнив о потерях. А может, он и без того думает о них каждую ночь.

Отбросив жаркое одеяло, Амара снова садится в постели. Ее будоражат мысли о Филосе, который совсем рядом. Он куда худощавее Руфуса, но его невозможно не заметить; Амара всегда знает, где его можно найти. «Мне просто одиноко, – думает она. – Только и всего».

Амара выдыхает и закрывает глаза. Пытается думать о Руфусе. В уме она пересчитывает его благодеяния, словно монеты из коробочки. Подарки, которые он ей дарил, дом, который он снял для нее, и, главное, свобода, которой он ее наделил. Амара хочет зацепиться за мысль о свободе, но вспомнить о Сатурналиях, о ночи, когда кончилось рабство, ей удается с трудом. Лицо Руфуса, образ Дидоны, напускное сочувствие любовника. И Менандр.

Той ночью Амара видела его в последний раз. Воспоминания о Руфусе туманны и обрывочны, а все, что связано с Менандром, ее память, напротив, сохранила ясным и чистым, словно стекло. И таким же острым. Все видели, как Амара жестоко унизила любимого, не желая потерять богатого патрона. Даже теперь от этих воспоминаний ей хочется провалиться сквозь землю. Она убеждает себя, что у нее не было выбора. Менандр – раб; им с Амарой нечего

было дать друг другу, а Руфус способен изменить ее жизнь. Но Амара знает, какова цена этого решения, и от этого она чувствует себя старше и немощнее Фабии.

Амара откидывается в кровати. Она уже очень дорого заплатила за свободу. И не готова лишиться *всего*, ведь иначе она полностью потеряет себя.

Даже не оборачиваясь, Амара знает, что у нее за спиной Филос с подносом в руках. Утро выдалось довольно прохладным, чтобы сидеть в саду, но Амаре в этой части дома спокойнее, чем в любой другой. Она кутается в дорогой красный плащ, подарок Руфуса.

– Ты решила? – спрашивает Филос, выставляя еду на стол.

– Да.

– И тебя не переубедить?

– Нет.

Амара думала, что Филос станет спорить, но он лишь вздыхает, словно ровно этого и ждал.

– Тогда нужно подумать, как нам быть.

Они садятся на скамью и, разделенные подносом, начинают составлять план. Ночью Амара решила быть сдержаннее в присутствии Филоса, но это не так-то легко. Филос складывает руки на груди, и Амара понимает, что ему, должно быть, холодно в одной тунике. Жаль, она не предложила обсудить все в кабинете.

– Важно, чтобы ты как можно больше рассказала Руфусу, – говорит Филос. – Чтобы ты была с ним честна. Мне кажется, стоит попросить у него разрешения.

– Но если он откажет, я не смогу пойти против его воли.

– Зря ты так говоришь.

– Что именно? – Амара наклоняет голову и расширяет глаза, копируя подсмотренную у Бероники позу. – Что не посмею послушаться?

– Ты знаешь, что я имею в виду. – Филос отворачивается, чтобы скрыть улыбку. – Иначе тебе придется надеяться, что он поверит в историю о любви и верности и что эта вера окажется сильнее досады на то, что с ним ничего не обсуждали. Полагаю, это вполне возможно. Если Виктория и вправду хорошая певица.

– Ему непременно понравится, – кивает Амара.

– А она не слишком... груба?

– Нет, – отчего-то смутившись, отвечает Амара. Хочется верить, что Филос *ее* такой не считает.

– Прежде чем торговаться с Феликсом, нужно понять, до какой суммы ты готова пойти.

– Я уже решила.

– И сколько же?

– Лучше тебе этого не знать. Если я скажу, ты станешь меня отговаривать. Но, клянусь, у меня есть эти деньги.

Лицо Филоса каменеет. На нем застывает недовольное выражение.

– Ты уверена, что именно так хочешь потратить свои сбережения?

От равнодушия в голосе Филоса Амаре становится не по себе. Она вспоминает о спрятанной наверху коробочке с монетами. Чем она тяжелее, тем Амаре спокойнее. Все так же оживленно звенят струйки фонтана, все так же беспечно возлежит на краю бассейна каменная Венера. В воздухе разливается аромат первоцветов. Все это – тишина, покой – принадлежит Амаре. Может, она поступает опрометчиво, рискуя всем ради Виктории.

Она чувствует на себе проницательный взгляд Филоса.

– Ты не обязана это делать, – говорит он.

– И все-таки сделаю, – отвечает Амара. – Если хочу и дальше жить в ладу с собой.

Филос молчит, и Амаре кажется, что он, вероятно, заботится не о ней, а боится за себя.

– Я скажу Руфусу, что ты ничего не знаешь, – произносит она. – Скажу, что соврала тебе, будто он мне разрешил. Если так будет проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.